

...**В**ремя было советское. Молодая интеллигентная семья жила в Хабаровске в однокомнатной квартире.

О, этой семье, я скажу, еще повезло — у многих и такого угла не было. Помню, как в конце семидесятых мои друзья — муж и жена, врачи из Благовещенска, — прислали мне на Соловки фотографию с подписью: «Дядюшка Том и тетушка Хлоя на пороге своей хижинь». Они, молодые и радостно улыбающиеся, стояли, обнявшись, на фоне жалкой развалюхи — летней кухни, которую снимали у каких-то хозяев много лет. Из тусклого окошечка выглядывал трехлетний малыш — у них уже был ребенок. А «удобства» находились метрах в пятидесяти — в конце огорода, и о такой роскоши, как газ, горячая вода и ванна, мои врачи, рабы на плантации советского здравоохранения, и мечтать не смели.

Так что тем молодым, кто жил в цивилизованной однокомнатной квартире, грех было жаловаться на судьбу.

Они, впрочем, и не жаловались.

Только пятилетняя девочка Леночка, их дочка, плакала. Она любила рисовать, а мама ей говорила: «Не занимай единственный стол. Бери свои краски и кисти и рисуй на подоконнике».

Рисовать на подоконнике было не очень удобно, поэтому девочка куксилась.

Но вот прошли годы, девочка выросла, стала профессиональной художницей, однако до сих пор нет-нет да и пристроится с ватманом и кистями на подоконнике, хоть это, впрямь, не очень удобно, и у нее давно есть просторная квартира. И даже мастерская, где рисуй — не хочу.

Только отчего-то привычней и милей — на подоконнике...

Девочку Леночку теперь зовут Еленой Валерьевной Алейниковой.

Она живет в Охотске.

В Хабаровске появляется нечасто, а выставляется и того реже. Последняя выставка, которая прошла в 2015 году, называлась «Два Севера — лицом к морю». На ней были представлены пейзажи — охотские и соловецкие.

Негромкие. Неброские. Ничем особенным не поражающие с первого взгляда.

Правильно — природа на севере скупа, и никаких таких избыточных красок вроде роскошной зелени пальм и слепящей бирюзы лагун позволить себе не может.

Но в ней есть особая, я бы сказала, элегантная прелесть.

И свет.

Боже мой, какой на севере свет!

Прозрачный. Мерцающий. Молочно-перламутровый (во время белых ночей). Янтарный (когда солнце в теплый летний день светит сквозь туман). И так далее, и так далее.

У эскимосов, говорят, в языке есть сорок определений для состояния и оттенков снега. Жалко, что я не эскимоска. Я бы придумала сорок слов для определения оттенков северного света. Однако ж — не дано.

Художникам в этом смысле проще.

Им ничего придумывать не надо.

Нужно только смотреть, видеть, чувствовать и запоминать. А потом воспроизводить на бумаге, на холсте, на картоне, на мокром шелке...

Елена Алейникова любит работать с шелком.

После счастливого, в общем, детства и архитектурных курсов (собиралась учиться в архитектурном, но живопись перевесила) поступила на легендарный хабаровский худграф.

Отец ее выбор не одобрил.

Он хотел, чтобы доченька стала врачом. Человеком серьезным, добропорядочным, владеющим профессией, освященной веками, а главное — приличествующей всякой нормальной женщине.

Художники, говорил он, все — алкоголики.

Их соседом по дому был Степан Матвеевич Федотов, брат знаменитого Алексея Матвеевича Федотова, чьим именем сейчас названа картинная галерея в Хабаровске, и сам замечательный художник.

Но жизнь вел, конечно, не совсем праведную. Да какое это имеет значение для истинно талантливого человека?

Лена успела у него поучиться, и у Владимира Хрустова тоже, и молодой тогда еще Александр Лепетухин вел у ее курса пленэрные практики. У нее были хорошие преподаватели.

А Степан Матвеевич передал ей свою страсть к бродяжничеству.

Елена Алейникова любит путешествовать.

У нее много друзей оленеводов.

Однажды она помогла им получить грант, а они взяли ее в большое кочевье — от Охотска до Якутска. Шли по старым картам, по заброшенному тракту, которым казаки-переселенцы добирались когда-то до окраин Российской империи. Вечерами у костра звенки пели песни, рассказывали легенды, а она рисовала — и пейзажи, и портреты. Так появился цикл ее графических работ «Проводники».

В общем, Охотская тундра, как она сама говорит, сделала ее художником.

И до сих пор продолжает делать — учить, направлять, подсказывать. Дарить сюжеты. Счастливые встречи. Неожиданные ракурсы и сочетания цветов.

У Елены Валерьевны в выходной день самая большая радость — взять верную собаку, этюдник и махнуть куда-нибудь пешком за десять километров от поселка на природу.

Порисовать. Посмотреть. Подумать. Понаблюдать за оттенками моря и неба. Запомнить, как менялся свет от полуденного к вечернему, и потом, если все сложится, написать небольшую картину на мокром шелке.

Достойную следующей выставки.

Которую все хабаровские поклонники Елены ждут с нетерпением.

Но я не сказала еще, может быть, о самом главном — в Охотске у Елены есть своя авторская студия изобразительного искусства, «Лукошко добра» называется.

Дети с пяти лет там учатся рисовать. Что-то создают своими руками. Однажды провели пасхальный флешмоб: триста пятьдесят детей расписывали яйца. Недовольных и чем-то опечаленных не было.

Да и в принципе не бывает.

Студия — это одна большая семья, где не только работают, но и отдыхают. В середине занятия непременно пьют чай.

«Когда я еду в Хабаровск, — говорит Елена, — всегда спрашиваю: «Дети, что вам привезти?»»

— Обезьяннего чаю с бананами и мармелад! — кричат дети.

«Обезьянним» они называют фруктовый красный банановый чай — в Охотске с этим делом немножко плохо. Равно как и с мармеладом. Вот Елена Валерьевна и старается. Возит пачками то и другое.

У них в студии чай — это святое.

«Я бы с ним чай не стал пить!» — говорят дети про плохого человека. Это к вопросу об алкоголизме художников.

А откуда взялись Соловки, которые находятся совсем «на другом конце географии»?

О, это отдельная история.

На Соловки всегда мечтал попасть муж Елены. Он топограф по профессии. И человек верующий. Как и Елена. Однако случилось так, что шанс съездить на эти удивительные острова выпал именно жене — отец Никон из Петропавловского монастыря предложил: вот, мол, епархия отправляет к соловецким святыням группу паломников, не хочешь присоединиться?

Конечно, она сразу захотела. И муж поддержал. Разумеется, сказал: поезжай. Но перенес, если честно, этот афронт судьбы болезненно. Конечно, нелегко вот так просто расстаться с мечтой, которая махнула крылом. Но не тебе...

Пусть любимой и любящей жене. Да ведь все равно обидно?

А я, человек, к сожалению, не очень верующий, на Соловках прожила целых два года. Работала экскурсоводом. Видела эти острова и под снегом, и под нескончаемыми тоскливыми дождями, и в цвету, и в царственном осеннем пурпуре — там рябин много. И клены есть.

А вот святости как-то не заметила — монахов там еще не было, церкви стояли пусть уже не разрушенные, а законсервированные и частично отреставрированные, но выглядели довольно уныло.

Мы водили туда экскурсии. Бойко тарыхтели про святого Филиппа (каменное строительство при нем началось), про средневековое северное зодчество. Слова диковинные с тех пор застряли в памяти: «закомары», «пилоны», «блясины»...

Художников, кстати, и в мои времена на Соловках хватало — из Москвы, из Питера, из Архангельска. Все летом приезжали. И каждый видел остров по-своему. Кто-то — величественным, кто-то — мрачным, кто-то — радостным и светлым, а у одного парня из Риги он получился почему-то даже затейливым — в изысканном стиле арт-нуво. Бердслей такой прибалтийско-соловецкий.

В конце сезона собирался худсовет вместе с закупочной комиссией, и у художников покупали лучшие работы. Ну, или те, которые кому-то показались лучшими. «Бердслея», я помню, не купили, а жаль.

Мне он понравился.

По крайней мере, ни на кого не походил, кроме своего прямого родоначальника, и вообще, забавно было посмотреть на привычный пейзаж в завитушках и черно-белых плавных силуэтах.

Ладно, о вкусах не спорят.

Главное, тогда у художников хоть что-то покупали. Сейчас, увы, нет.

Однако важно не это.

Ни у кого из московских-питерских-архангельских-рижских художников не было такого света, как у Елены Алейниковой.

Я опять о свете, который на севере особенный — холодный, теплый, мерцающий и так далее.

У нее светится все: воздух, небо, камни, вода, цветы, деревья, люди.

Не зря, наверное, зрители написали ей в книге отзыв: «Спасибо за тишину и утешение», «Выставка изумила своей чистотой и яркостью восприятия мира».

А я бы сказала еще спасибо и за новый взгляд на знакомые, почти родные, но не полюбившиеся когда-то пейзажи: Охотск мне показался в свое время скорбно-серым — серое небо, серое море, серые дома, серая галька... И Соловки до сих пор сняты в печальном зимнем варианте.

Но вот человек с добрым и открытым сердцем посмотрел на эту неласковую натуру непредвзято, и я вдруг с запоздалым сожалением подумала: Господи, как я была неправа! И Охотское море прекрасно, и Белое. Нужно только присмотреться.

А как все узнаваемо!

Вот именно с этого ракурса, за Святым озером, и нужно рисовать и фотографировать Соловецкий кремль. Он отсюда смотрится лучше всего, во всей, что называется, могучей красе, и сколько раз я сама водила сюда знакомых художников...

А вот на этих мостках на Поварском озере недалеко от поселка мы с подружкой однажды ловили рыбу. Червяков не накопили — лень было, а хлеб быстро закончился. Нацепили на крючки колбасу — ничего другого под рукой не оказалось. Муж подруги, пришедший навестить «рыбачек», так хохотал, что свалился с мостков в воду вместе с нашими удочками. Пришлось прыгать в ледяную купель (муж не умел плавать) и за ним, и за удочками...

А вот с этой смотровой площадки на втором ярусе колокольни мы показывали гостям панораму острова. Туристов не водили — техника безопасности не позволяла. И правильно не позволяла — один наш нетрезвый заезжий приятель, оступившись на строительных лесах, чуть не свалился с двадцатиметровой высоты на землю. Поймали мы дурачка буквально за штаны в последнюю секунду.

Сейчас там, конечно, все отреставрировано, и с техникой безопасности, наверное, нет никаких проблем. Вон, даже художников пускают рисовать...

Но как жаль, что вся эта красота, и свет, и тишина, и утешение прошли мимо меня. Однако, спасибо Лене, что вернулись — спустя тридцать лет.

